

Однако это был императорский указ, послушаться которого было невозможно, поэтому ей волей-неволей пришлось выйти замуж за Гань Цзиньюаня, затаив в сердце обиду. Гань Цзиньюань, два года прошедший в военных походах, закалился в испытаниях и стал очень чувствителен к чужим эмоциям. Он ясно чувствовал, что Чжан Чжилань недовольна этим браком, а будучи человеком прямолинейным и благородным, он, разумеется, не стал принуждать её к близости.

Но Чжан Чжилань позабыла, что ещё два года назад во время Праздника фонарей они случайно встретились. Гань Цзиньюань подорожное обронила она, и когда он бросился в погоню, чтобы вернуть пропажу, при свете плывущих по реке фонариков они дали друг другу клятву: если спустя два года она всё ещё будет не замужем, он возьмёт её в жёны.

Однако эта столь прекрасная картина на самом деле была лишь заранее продуманной мерой предосторожности, к которой прибегла Чжан Чжилань, беспокоившаяся о своём будущем. Выбор пал на Гань Цзиньюаня после тщательных размышлений: во-первых, из-за его происхождения; во-вторых, из-за внешности; в-третьих, из-за скрытого в его глазах чувства; и в-четвёртых, вероятно, потому, что ночная пора была слишком прекрасна...

С другой стороны, узнав, что его близкий друг женился на возлюбленной его собственного сердца, Ся Юнъань испытал сложную гамму чувств. И всё же в глубине души он мысленно благословил их, хотя разделить их радость и праздничное настроение был не в силах. Поэтому он неизменно избегал встреч с Гань Цзиньюанем и отдалился от Императора, издавшего тот указ, целыми днями топя горе в вине в стенах Резиденции князя и проживая жизнь в хмельном дурмане.

Гань Цзиньюань ничего не знал о такой реакции Ся Юнъаня и лишь недоумевал: почему человек, с которым они были так близки два года назад перед его отъездом, вдруг стал избегать его? С самого его возвращения и по сей день не удавалось даже мельком увидеть товарища. Но, подумав о том, что члены императорской семьи всё же отличаются от простых людей, он не стал придавать этому большого значения, лишь с горечью подумав, что юношеской дружбе нельзя доверять. Ся Чандэ знал о происходящем и втайне тревожился; он даже несколько раз лично навещал особняк Ся Юнъаня, чтобы утешить его, но всё было безрезультатно. Однако он не мог позволить племяннику пустить всё на самотёк и в конце концов, не найдя другого выхода, силой подсунул ему двух смазливых служанок в надежде, что тот немного повеселеет.

Как назло, одна из этих двух служанок оказалась поразительно похожа на Чжан Чжилань. Поначалу Ся Юнъань не испытал от этого никаких особых чувств: не та — значит не та. Бросив на неё один взгляд, он продолжил топить тоску в винных кувшинах. Но эта служанка отличалась амбициозностью: в один из дней, когда сильно захмелевший Ся Юнъань находился в беспамятстве, она притворилась Чжан Чжилань и сама отдалась ему. Да, она отдалась ему добровольно — весь этот процесс та служанка проделала в одиночку. Иначе откуда бы пьяному в стельку Ся Юнъаню хватило сил кого-то прижать к постели? Но как бы то ни было, пятна крови на простыне служили неопровержимым и железным доказательством. Хотя протрезвевший Ся Юнъань почти ничего не помнил о прошлой ночи, ощущения в теле были вполне отчетливыми. Терзаемый чувством вины, он стал уделять этой служанке исключительное внимание и осыпать ее особой милостью.

Для Императора эта новость, разумеется, стала благой вещью. Он сделал служанке исключение, возвысив ее до наложницы князя Пин, и велел как следует заботиться о князе. Однако для Чжан Чжилань известие об этом прозвучало подобно разорвавшейся бомбе!

Странное поведение Чжан Чжилань, естественно, пробудило подозрения Гань Цзиньюаня. Проведя тайное расследование, он не только выяснил, что у Чжан Чжилань кто-то есть на сердце, но и узнал, что этим возлюбленным был его бывший друг Ся Юнъань.

Когда Гань Цзиньюань впервые увидел эти сведения, он просто не поверил. Даже если Ся Юнъань пару раз оказал ей небольшую помощь, когда та боролась со своей сводной сестрой, и казалось, что подобное в принципе возможно, стоило ему лишь вспомнить круглую, как шар, фигуру Ся Юнъаня, как он тут же отметал это предположение. Причиной тому было его твердое убеждение, что у Чжан Чжилань не может быть столь специфических вкусов, а потому Гань Цзиньюань просто отложил собранные данные в долгий ящик. Лишь увидев на одном из дворцовых пиров долго не появлявшегося Ся Юйана, Гань Цзиньюань наконец поверил тому расследованию. А всё потому, что тот некогда толстый и пухлый юноша превратился в писаного красавца с осанкой стройного дерева на ветру. При первом взгляде он просто не поверил собственным глазам! Опомившись, он тут же посмотрел на реакцию Чжан Чжилань — и действительно, заметив наложницу, которую Ся Юнъань привёл с собой, Чжан Чжилань переполнилась явная, бьющая через край зависть и ненависть.

С той минуты на душе у Гань Цзиньюаня стало беспокойно...

Он искренне полагал, что однажды дождётся, пока распустится его цветок, но никак не ожидал, что этот цветок распускается для кого-то другого. Любой мужчина на его месте почувствовал бы, как его голова отливает зеленью.

И вот однажды вечером перебравший лишнего Гань Цзиньюань силой овладел Чжан Чжилань. Чжан Чжилань, естественно, затаила на него ещё большую злобу. Стоило ей вспомнить о той наложнице из окружения Ся Юнъана, которая была так похожа на неё саму и наслаждалась любовью и лаской, по праву принадлежащими ей, как её сердце жутко искривлялось от зависти, и весь этот гнев она вымещала на Гань Цзиньюане.

Гань Цзиньюань, разумеется, больше не обладал прежним терпением и тут же затеял с Чжан Чжилань громкую ссору, после чего хлопнул дверью и ушёл. Этот их скандал переполошил всю резиденцию, и с тех пор оба ступили на путь взаимной любви-ненависти.

Однако чем хуже Гань Цзиньюань обращался с ней, тем сильнее она тосковала по тому доброму отношению, которым некогда окружал её Ся Юнъань, и тем острее чувствовала, что вышла замуж совсем не за того человека. Когда она случайно встретила Ся Юнъаня в храме Гуанхуа, её чувства наконец вырвались из-под контроля. Ей захотелось назначить Ся Юнъаню тайную встречу, чтобы излить ему свою любовь.

Ся Юнъаня, в конце концов, прекрасно воспитал Император, поэтому он не пришел на свидание, а просто небрежно отбросил в сторону записку без подписи. Однако эту записку увидела одна из наложниц Ся Юнъаня и, скрыв это от него, отправилась на встречу сама.

Увидев, что пришел не Ся Юнань, а та, кого она больше всего ненавидела, Чжан Чжилань решила, что это происки соперницы. К тому же эта наложница с первых же слов принялась ее высмеивать. Ослепленная ревностью и ненавистью, Чжан Чжилань набросилась на нее. В ожесточенной схватке, похожей на безумие, наложница со всего маху ударилась жизненно важной частью головы о твердый камень. Лишенная возможности сопротивляться, она была насмерть забита Чжан Чжилань.

Но Чжан Чжилань ни капли не раскаялась. Она хладнокровно инсценировала все так, будто наложница подверглась нападению злоумышленника и, потерпев поражение в сопротивлении, ценой собственной жизни отстояла свою чистоту. Завершив приготовления, Чжан Чжилань не забыла осмотреть окрестности, убедилась, что не оставила улики, и удалилась, легко взмахнув рукавом.

Смерть любимой наложницы Ванье — дело не сказать чтобы грандиозное, но и не пустяковое. Чиновник, расследовавший дело, после доклада Ся Юнаню замая инцидент.

Ся Юнань несколько дней размышлял над случившимся, а затем написал письмо Чжан Чжилань, приглашая ее на встречу. Получив послание, Чжан Чжилань хоть и тревожилась, но, веря в то, что Ся Юнань равнодушен к ней, со спокойной душой отправилась в путь.

Она не ошиблась: Ся Юнань действительно не собирался устраивать допрос с пристрастием, а лишь хотел лично убедиться, погибла ли наложница от ее руки. В конце концов, он просто желал поставить точку.

Однако Чжан Чжилань была свято уверена, что Ся Юнань по-прежнему равнодушен к ней. Охваченная радостью, она, разумеется, наотрез отказалась признавать свою причастность к смерти наложницы и даже принялась упрекать Ся Юнаня в предательстве.

Разговор зашел в тупик, и Ся Юнань, не желая больше ничего объяснять, собрался возвращаться в Резиденцию князя. Он никак не ожидал, что по дороге на них совершат покушение. Пережив немало опасных моментов, они вдвоем бежали в уединенную пещеру. Поскольку Ся Юнань получил ранение, защищая Чжан Чжилань, пока он был без сознания, она сняла с него одежду и тщательно перевязала рану.

Они провели вне дома всю ночь.

Лишь на следующий день их отыскали. Сын Неба был в ярости, но все же пошел навстречу просьбе Ся Юнаня: ради сохранения честного имени Чжан Чжилань происшествие не стали выносить на суд общественности, поручив вести тайное расследование.

Эта история тяжким грузом легла на плечи Гань Цзиньюаня. Они провели ночь вне дома, и одной из них была его законная жена — как ему к этому относиться?

Поэтому он затаился и за целый год подделал письма Князя Пин, свидетельствующие о его сношениях с врагом. Доказательства предполагаемого мятежа князя он передал правящему Императору. И пусть Ся Чандэ не спешил верить, перед лицом всех чиновников двора улики против Князя Пин были столь неоспоримы, что того пришлось сначала заключить под стражу, поручив надежным людям во всем разобраться.

Однако не прошло и нескольких дней, как Князь Пин скончался в темнице — официальной причиной назвали самоубийство из-за мук совести.

Император горько оплакивал смерть Ся Юнаня, но так и не смог докопаться до истины. Гибель

Князя Пин казалась неразгаданной тайной.

И все же Ся Чандэ не был удовлетворен таким исходом. Раз нет улик — их можно сфабриковать, чтобы реабилитировать Ся Юнаня, после чего устроить ему пышные похороны по высшему разряду, подобающему удельному князю.

Узнав о смерти Ся Юнаня, Чжан Чжилань сначала отказалась в это верить, а затем погрузилась в пучину горя. Она целыми днями обливалась слезами и даже носила в поместье траурные одежды из грубой мешковины.

Обитатели поместья недоумевали, и лишь Гань Цзиньюань выказывал полное понимание. Разделяя ее скорбь, он терпеливо утешал Чжан Чжилань.

Ушедших не вернуть, а живущим надо продолжать путь.

В такой атмосфере между ними постепенно вспыхнули чувства!

Император, разумеется, не собирался спускать дело с рук главному виновнику гибели Ся Юнаня. Но когда он решил расправиться с обоими, Гань Цзиньюань задействовал все свои связи и влияние, инсценировав их смерть. Отрекшись от мирской суеты, они скрылись в горах, где прожили долгую жизнь рука об руку.

Своего первенца они называли Гань Юнанем.

Второй возвращенный мир

На самом деле, будучи мудрым государем, в ситуации, когда тело бесследно исчезло, он ни за что не поверил в их гибель. Император даже хотел отдать приказ продолжить поиски Гань Цзиньюаня и Чжан Чжилань по всей стране — живыми или мертвыми. Но в тот же день чиновник Чжан в устной беседе с глазу на глаз преподнес правителю незарегистрированные записки о повседневной жизни покойного императора, а вернувшись домой, в ту же ночь повесился на балке.

На следующий день Великий маршал Вэйюань тоже явился ко двору и прилюдно сложил с себя военные полномочия, передав их Императоре, после чего ушел в отставку по старости, чтобы вернуться в родные края.

Только после этого Император оставил мысль продолжать поиски Гань Цзиньюаня и Чжан Чжилань, фактически даровав им свободу.

Чжун Сибай находил это вполне закономерным. Правитель должен мыслить как правитель, а слепое потакание собственным капризам — это путь тиранов, коих немало описано в истории. И вот теперь они оказались в том моменте, когда их первая попытка перелезть через стену провалилась и они случайно увидели Чжан Чжилань, в которую тут же безоговорочно влюбились.

Чжун Сибай смотрел на юную девушку с ясным взором и белоснежными зубами, в которой уже угадывалась будущая несравненная красавица, и его взгляд невольно затуманился, словно он был потрясен ее внешностью. Однако боковым зрением Чжун Сибай тайком наблюдал за реакцией Гань Цзиньюаня. И действительно, при виде Чжан Чжилань на бесстрастном лице Гань Цзиньюаня промелькнула едва заметная тень эмоций.

— Вы еще кто такие? Почему самовольно проникли в поместье Чжан, да еще столь недостойным способом?

Услышав вопрос Чжан Чжилань, Чжун Сибай замялся и забормотал что-то невнятное, похоже, и сам стыдясь их выходки с залезть через стену.

Девушка свирепо зыркнула на них и со всех ног бросилась прочь.

Глядя на этот изящный, порхающий словно бабочка силуэт, Чжун Сибай, однако, был совсем не настроен на романтический лад. Дернув стоявшего рядом Гань Цзиньюаня за рукав, он с голоса, полным тревоги, спросил:

— Что же нам делать?

Легкая рябь, едва успевшая зародиться в глубине души Гань Цзиньюаня, тут же была разрушена Чжун Сибаем. Повернув голову к другу, он хранил молчание, выглядя так, будто и сам понятия не имеет, как поступить.

Поняв по выражению лица Гань Цзиньюаня его растерянность, Чжун Сибай в досаде присел на корточки и обхватил голову руками:

— Что же делать, что же делать? Если братишка-Император узнает, нам точно несдобровать.

Глядя на Чжун Сибая, Гань Цзиньюаня вдруг поймал себя на мысли, что тот сейчас похож на притаившийся на земле шар. Будь на нем сегодня белые одежды, он вылился бы в настоящий раскатившийся снежный ком. Находя эту картину забавной, он в то же время внутренне сожалел, что Чжун Сибай сегодня одет вовсе не в белое.

Отвлечшийся на Чжун Сибая Гань Цзиньюань, казалось, в этот момент уже позабыл о том мимолетном сердечном трепете, который испытал при первом взгляде на Чжан Чжилань. И пусть даже сейчас это забылось, но когда позднее они вспомнят сегодняшний день, то все равно почувствуют отзвуки того мгновенного чувства.

Не прошло и мгновения, как девушка вернулась в сопровождении мужчины лет тридцати с лишним, с благородным и мягким выражением лица.

Все-таки сказывалась наследственность: только у такого отца могла родиться столь прекрасная дочь.

Увидев сидевшего на корточках Чжун Сибая, чиновник Чжан поспешно сделал два шага вперед, обеими руками помог ему подняться и с мягким, великодушным видом произнес:

— Прошу Князя Пин подняться и пожаловать со мной в передний зал. Чжун Сибай поднялся с места, с некоторым беспокойством бросил взгляд на Гань Цзиньюаня и, заметив на его лице полное отсутствие всяких эмоций, словно сам принял успокоительное, легко выдохнул застоявшийся воздух. Медленно кивнув цензору Чжану, он произнес:

— О, хорошо-хорошо, ведите, взрослый наставник.

Цензор Чжан слегка кивнул, а перед уходом ласково погладил Чжан Чжилань по голове и с отцовской нежностью сказал:

— Лань-эр, ступай назад, о сегодняшнем происшествии нельзя распространяться за пределами дома.

Чжан Чжилань в ответ обвила руку цензора Чжана и капризно заалила. Живая и игривая девичья грация мгновенно запечатлелась в глазах Чжун Сибая и Гань Цзиньюаня, и оба, глядя на девушку, невольно залюбовались ею, не в силах отвести взгляд.

Цензор Чжан мягко похлопал Чжан Чжилань по руке:

— Ну всё, хватит баловаться, ступай домой.

Отеческая любовь цензора Чжана к Чжан Чжилань была искренней — иначе стал бы он, когда Чжан Чжилань и Гань Цзиньюань инсценировали свою смерть, размышлять над истинной подоплёкой тех событий и, стремясь помочь им, без колебаний открывать Императору сокрытую в глубине души тайну императорской семьи, способную потрясти всю Поднебесную? В конце концов он повесился в собственном поместье, чтобы ценой своей жизни спасти Чжан Чжилань.

Чжан Чжилань моргнула своими влажными, блестящими глазами и с легкой улыбкой взглянула на Чжун Сибая и Гань Цзиньюаня. Этот мимолетный, полный очарования взгляд словно чистый осенний ручеек журча влился в сердца обоих юношей.

Лишь когда цензор Чжан окликнул их, они опомнились. К тому времени Чжан Чжилань уже отошла далеко. Гань Цзиньюань по-прежнему хранил каменное выражение лица, а вот Чжун Сибай сильно смутился.

Цензор Чжан выглядел совершенно невозмутимым, словно привык к подобному. С тех пор как по столице поползли слухи о том, что его законная дочь обладает красотой первой красавицы Поднебесной, многие захотели воочию убедиться, так ли это на самом деле. Знатные дамы столицы то и дело приглашали его жену с дочерью к себе, и целью этих визитов было лишь одно — взглянуть на уже прогремевшую на всю столицу девушку. Поначалу это доставляло ему немало головной боли, и цензору пришлось даже усилить охрану поместья, но, убедившись, что его дочь не испытывает от этого неудобств, он со временем привык.

В конце концов, как мог один человек заставить замолчать тысячи людей? Оставалось лишь надеяться, что со временем эти слухи утихнут сами собой.

Он никак не ожидал, что князь Пин и сын великого полководца тоже услышат эти разговоры, перелезут через стену в его поместье, да еще так удачно минуют стражу и столь же некстати столкнутся с Чжан Чжилань. Хотя напускное спокойствие не покидало лица цензора, на душе у него все же скребли кошки.

Впрочем, среди молодого поколения князь Пин и Гань Цзиньюань считались юношами

благородными и безупречными в плане морали, способными удержаться от дурных поступков, что приносило ему немалое утешение. Оказавшись в передней, чиновник Чжан в качестве старшего наставника начал беседовать с Чжун Сибай и Гань Цзиньюанем, однако в основном лишь наставлял их о том, что благородный муж должен знать, что подобает делать, а чего — нет.

Чжун Сибай и Гань Цзиньюань, которые и сами считали свой поступок неверным, согласно кивали на слова чиновника Чжана, демонстрируя вполне искреннее раскаяние.

Прошло немало времени, и лишь когда уже почти стемнело, чиновник Чжан наконец отпустил их, провожая из поместья.

Уходя из поместья, Чжун Сибай протянул руку и потянул Гань Цзиньюаня за рукав, настойчиво подавая ему знаки глазами.

Гань Цзиньюань вдруг осенило, и он понял, что имеет в виду Чжун Сибай. Поразмыслив немного, он почтительно обратился к чиновнику Чжану:

— Досточтимый чиновник Чжан, позвольте спросить, та барышня, которую мы встретили ранее, случайно не вторая барышня Чжан из вашего почтенного рода?

Чжун Сибай посмотрел на Гань Цзиньюаня с нескрываемым удивлением: тот задал вопрос чересчур прямолинейно.

В глазах чиновника Чжана мелькнул темный огонек, однако на лице по-прежнему играла мягкая улыбка, и он кивнул:

— Именно так, это Чжан Чжилань, законнорожденная дочь, рожденная моей законной супругой.

Получив желаемый ответ, Гань Цзиньюань слегка кивнул и снова поклонился чиновнику Чжану:

— Прошу вас, передайте второй барышне Чжан наши извинения. Это была наша вина, мы потревожили ее покой.

Чжун Сибай тоже последовал его примеру и поклонился чиновнику Чжану:

— Благодарим вас, чиновник Чжан.

Чиновник Чжан шагнул вперед, поднимая обоих, и взял это поручение на себя, а про себя подумал о Чжун Сибай и Гань Цзиньюане еще лучше прежнего.

Чжун Сибай и Гань Цзиньюань сели в карету, которую для них приготовил чиновник Чжан.

В карете Чжун Сибай то и дело поглядывал на Гань Цзиньюаня, собираясь что-то сказать, но словно не знал, с чего начать.

Заметив такое поведение друга, Гань Цзиньюань, разумеется, подал голос:

— Что ты хочешь сказать?

Чжун Сибай немного посомневался и спросил:

— Что ты думаешь о второй барышне Чжан?

Гань Цзиньюань слегка кивнул и ответил:

— Слухи не лгут.

Услышав это, Чжун Сибай тут же просиял и с полным одобрением воскликнул:

— Вот-вот! Первая красавица Поднебесной и должна быть такой!

Гань Цзиньюань посмотрел на него:

— Сколько девиц ты повидал на своем веку, чтобы рассуждать, какой должна быть первая красавица Поднебесной?

Лицо Чжун Сибая невольно покраснело, и он смущенно огрызнулся:

— Пусть я видел много служанок, но ни одна из них не идет ни в какое сравнение со второй барышней Чжан!

Гань Цзиньюань пристально посмотрел на него, его брови едва заметно сошлись на переносице, и он прямо спросил:

— Ты что, влюбился во вторую барышню Чжан? Чжун Сибай тут же лишился дар речи, замялся, заотвертелся, и на его лице проступило смущение.

Разве мог Гань Цзиньюань не понять в чём дело? Вспомнив собственную реакцию, он невольно поджал губы и решил запрятать это мимолетное чувство глубоко на дно души.

Два близких друга полюбили одного и того же человека — разве это дело? Другое дело, если бы они ничего не знали, но теперь, когда всё вскрылось, ему оставалось лишь отказаться от своих чувств.

Строгое воспитание Гань Цзиньюаня не позволяло ему из-за сердечных дел порывать отношения с другом. Будучи сыном великого полководца, он с самого детства давал клятву стать самостоятельным военачальником, а потому в глубине души уже давно и совершенно

естественно поставил дружбу на первое место. Что же до второй барышни Чжан — они ведь виделись всего раз. И раз уж зародилось это чувство совсем недавно, его вполне ещё можно было обуздать и подавить.

— Скажи, а с такой внешностью, как у меня, я вообще понравлюсь второй барышни Чжан? — с замиранием сердца спросил Чжун Сибай. Сейчас он вылитый человек, впервые окунувшийся в омут любви и до смерти боящийся, что возлюбленная сочтет его непривлекательным.

Гань Цзиньюань взглянул на комплекцию Чжун Сибая, и у него просто не поднялась рука добивать друга, поэтому он предпочел промолчать.

Чжун Сибай невольно опустил плечи, приняв крайне удрученный вид.

Поддавшись внезапному порыву, Гань Цзиньюань протянул руку, потрепал Чжун Сибая по голове и, подбирая слова, попытался утешить:

— На самом деле у тебя очень точеные черты лица, ничуть не хуже, чем у второй барышни Чжан. И пусть сейчас ты кажешься немного кругленьким, от тебя исходит такое приятное ощущение — прямо как от благовесных пупсов с новогодних картинок. К тому же ты белый, пухлый, такой мягкий и нежный, что так и хочется заключить тебя в объятия.

Чжун Сибай совсем не поверил:

— Тогда обними меня.

Гань Цзиньюань опешил от столь неожиданного заявления Чжун Сибая и немного засомневался:

— Ты всё-таки ванъе, твое положение благородно.

— Ты и правда говорил это лишь для того, чтобы меня утешить, — повесив голову, со всей горечью произнес Чжун Сибай.

Гань Цзиньюань еще немного помедлил, наконец отбросив в сторону их разницу в происхождении, осторожно поддвинулся ближе, поднял Чжун Сибая и усадил себе на колени, полностью заключив в свои объятия.

В тот же миг Гань Цзиньюань понял, что был абсолютно прав: держать в объятиях белого, пухлого, мягкого и нежного Чжун Сибая оказалось невероятно приятно, к тому же от него вкусно и сладко пахло.